

Елена Костина. Фото автора

Ищем новые пути

С Людмилой Петрановской нам удалось пообщаться, когда Людмила Владимировна приезжала в Новосибирск, чтобы провести семинар для психологов, специалистов органов опеки, общественных организаций и приемных родителей.

Людмила Петрановская

психолог, специалист в области семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: «Надо искать новые пути. Иначе семьи всегда будут хотеть трех-летних голубоглазых девочек».

— Впервые за многие годы в прошлом году в нашей стране из «системы», из сиротских учреждений вышло больше ребятишек, чем вошло в нее. Свидетельствует ли этот факт о положительной тенденции или, на ваш взгляд, пока нет достаточных оснований для оптимизма?

— Это должно становиться тенденцией. Потому что тема семейного устройства детей в какой-то момент вышла из тени. Очень многие люди стали задумываться о том, что для того, чтобы взять ребенка в семью, не нужно быть непременно бездетным или каким-то особенным героем... Это достаточно обычное дело, и простая семья может взять к себе ребенка, почему бы нет?! Но для того, чтобы это движение набрало силу, и принципиально решился вопрос с нашим жутким количеством социальных сирот, одной хаотичной инициативы граждан недостаточно.

Прежде всего потому, что таким образом из системы «вычерпываются» дети, скажем так, привлекательные для семей. Достаточно маленькие, достаточно здоровые, достаточно благополучные. А большинство-то детей в системе — других. Это дети старше десяти лет, дети с прочными связями с кровными родственниками, дети с диагнозами, дети-инвалиды... Они вот так «хаотично» не устроятся.

Безусловно, я рада тому, что обретают семьи хотя бы младенцы, потому что раньше и с этим было плохо. А сейчас стандартная ситуация во многих регионах —

Нужны профессионалы

— Какие усилия местной власти, с вашей точки зрения, особенно эффективны в плане устройства детей в семьи?

— Безусловно, разница по регионам видна, и она, как вы справедливо заметили, зависит от воли местных властей. Если они поддерживают семейные формы устройства, если они не хотят бесконечно кормить систему интернатов, то дело делается. Причем, в разных регионах технологически решения разные. В одном месте развивали патронат, в другом приемную семью, в третьем еще что-то. Было бы желание, была бы уверенность, что ребенку необходима семья, это во-первых. И, во-вторых, этим нужно заниматься профессионально. А это как раз то, во что проблема упирается.

До тех пор пока не будет людей, для которых поиск подходящих семей, устройство в них детей и потом помощь этим семьям, станет работой, ситуация кардинально измениться не может.

полная ротация детей в доме ребенка, примерно за год. То есть, больше года дети там не находятся. Но надо понимать, что и год — большой срок, а оптимальный для ребенка до трех лет — месяц-два, не больше.

Одними действиями опеки и одним хаотичным движением граждан эту проблему не решить, потому что семьи всегда будут хотеть трех-летних голубоглазых девочек. И мы ничего с этим поделать не можем, это — факт.

Нужны профессионалы, цель которых — устройство детей в семью, работу которых оценивают по тому, сколько и как удачно они устроили детей, сколько детских домов перестало существовать, превратившись в дневные приюты или службы сопровождения. В тех регионах, где эта работа выходит на первый план, семейное устройство начинает развиваться динамично и приносит результат. Причем, это одинаково справедливо, как для городов, так и для сельской местности, и иногда в селе процесс даже идет лучше. Не могу не отметить, что в Сибири ситуация гораздо лучше, чем в Москве, разница — просто колоссальна.

— И в чем «сила» села, на ваш взгляд?

— В сельской местности есть мощнейший фактор — сохранившаяся общинность, особые связи между людьми, когда соседи помогают друг другу... И, действительно, нередко проявляется феномен, когда вдруг начинается поветрие: все жители берут детей. И тогда семья не чувствует себя одинокой, вокруг нее — такие же люди, в такой же жизненной ситуации. Есть кому поплакаться, кто пожалеет, с кем посоветоваться...

— И контакт с сельской школой, как правило, хороший, легче наладить взаимопонимание с педагогами...

— Совершенно верно. Потому что, когда у тебя половина класса или две трети учеников — это приемные дети, ты не встанешь в позу и не скажешь: «Давайте-ка мы избавимся от этого ребенка, отправим его в специальную школу». Поэтому возможности огромные. Тот же опыт Зырянского интерната Томской

Тот же опыт Зырянского интерната Томской области показал: стали активно заниматься проблемой и огромное количество детей устроили в сельские семьи.

области убедительно показал: стали активно заниматься этой проблемой, и огромное количество детей, включая подростков с различными проблемами, устроили в сельские семьи.

— А теперь их сопровождают?

— Конечно. И нельзя не отметить тот факт, что, наверняка, многие из этих семей не взяли бы детей, если бы не присутствовал материальный фактор, потому что это не бездетные семьи, напротив, в них растут по двое-трое своих, которых надо кормить-одевать и выводить в люди... Есть такая возможность — и детям помочь и финансовое положение семьи поправить, почему бы и нет?!

— Службы сопровождения в регионах, как правило, создаются на базе закрывающихся детских домов...

— Это очень интересный процесс. Сам детский дом не закрывается, это — не самоцель, он продолжает функционировать, только теперь начинает не копить детей, а «выдавать» их вовне. И на базе приютов создаются аналогичные службы, и тоже вполне успешно действуют.

Чтобы служба сопровождения была качественной

— И все же на селе проблематичнее, чем в городе, создать высокопрофессиональную службу сопровождения. С психологами, юристами, медиками...

— Ну почему же?! Можно просто купить для районной службы машину. Это не запредельные траты для государства. Например, в столичном регионе приняли такое решение: каждой опеке Московской области (а там очень большие районы) просто подарили по машине. Казалось бы, не Бог весть что. А по единодушному мнению всех сотрудников опеки, с которыми я общалась, это резко повысило эффективность их работы.

Конечно, есть разница, когда они в каждую конкретную семью могут выехать раз в полгода, потому что до села на автобусе добираться часов шесть и потом столько же обратно, и, совсем другое дело, когда они, при возникновении острого вопроса, «прыгнули» в машину и через два часа уже там.

— Местная власть скажет, и не без оснований: во-первых, автомобиль, во-вторых, большой расход на бензин, так как расстояния огромные...

— Да, бензин, да, зарплата шофера... Но неужели это не стоит того, чтобы в районе существенно «повысились проценты» по семейному устройству, чтобы улучшилось качество жизни, снизилась острота социальных проблем? Ведь речь идет о качестве работы.

— Людмила Владимировна, на ваш взгляд, имеет ли принципиальное значение «под каким ведомством станут работать службы, специализирующиеся на поиске семьи? Или они вообще должны быть отдельной, независимой структурой?»

— Наши украинские соседи объединили всю сферу защиты прав детей в отдельное министерство, и всем сиротством, всеми детьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию, занимается отдельный департамент. Естественно, это хорошо, потому что есть возможность обеспечить целостный процесс ведения ребенка. Когда человек, который принимает решение, отвечает за весь процесс, а не за конкретный этап, как это происходит сейчас у нас: выписать путевку в учреждение или не выписать, изъять из семьи или не изъять, это принципиально другая ситуация.

Вот когда есть это единство, можно требовать результата. Было плохо малышу — стало хорошо, было несчастливое детство — стало счастливым. А уж какими средствами этого добиться, решает тот, кто отвечает за процесс. Приводит ли он в порядок

Вкладывали бы в новую структуру, если государство ни мычит, ни телится. Поддержали бы финансово инициативу общественных организаций по созданию службы семейного устройства или оплатили обучение специалистов для нее.

кровную семью или устраивает ребенка в замещающую семью, находит хороших усыновителей — у него должен быть целый арсенал подобных средств.

Я всегда говорю, что надо вкладывать в структурные вещи, а не заваливать детские дома

дорогими игрушками, евроремонты делать и прочее. А у нас, к сожалению, те же спонсоры, накупят оптом какого-нибудь барахла, и привезут с чувством исполненного долга. А дети ходят по мобильникам, которые хрустят у них под ногами, и не расстраиваются, так как знают, что таких «добрых дяденек» много, еще привезут.

Ну, вкладывали бы, например, в ту же новую структуру, если государство ни мычит, ни телится. Поддержали бы финансово инициативу общественных организаций или оплатили обучение специалистов для такой службы. У нас ведь государство как работает? Оно ничего само делать не будет. Если вы готовы показать ему эффективные технологии: «Вот, смотрите, мы создали проект и вот так он работает», сделайте это. Тогда чиновнику проще сказать губернатору: «Идея хорошая», а тому — распространить опыт по всему региону, выделив на это уже бюджетные средства.

Собственно говоря, везде так происходит. Везде и во всех странах. Нигде государство само технологии не придумывает. Но оно может поддержать самые эффективные проекты.

— Как и социально ответственный бизнес...

— Совершенно верно. И именно в таком случае инвестиции дали бы гораздо больший выход. Потому что детям нужна семья, а не роскошный детский дом и не подарки.